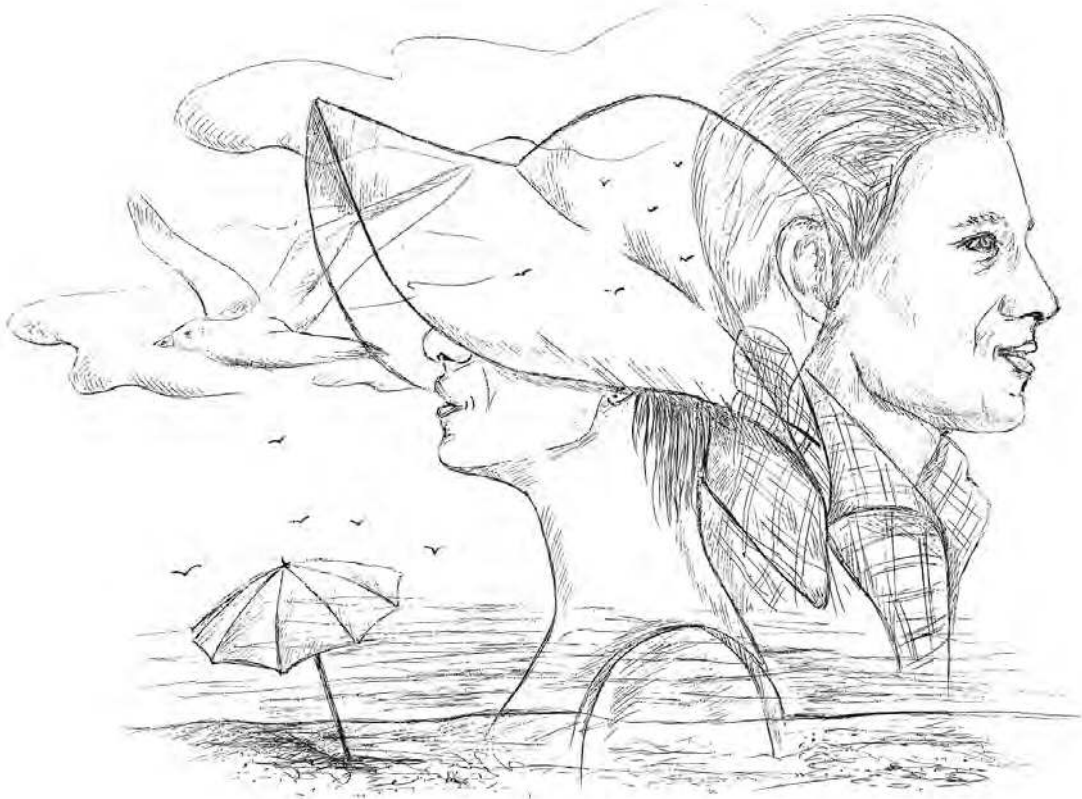

Ранняя осень везде красива, даже в городе, а уж на пустынном пляже, допустим, в Юрмале — вообще сводит с ума, погружает в грустную мечтательность и напрочь лишает впечатлительную натуру практичной земной уверенности, рационального мышления и, как следствие, — разумного поведения. И вот ты сидишь в открытом кафе, расположенном на ближайшей к морю дюне, и кормишь наглых чаек. Чайки действительно наглые. Они ведут себя так, будто ты им чего-то должен, и теперь они прилетели, чтобы этот долг с тебя получить. Например, очередная чайка зависает в полутора метрах от твоего лица и ждет. Ты бросаешь ей кусочек

хлеба или сыра, она мгновенно хватает его и отваливается. Подлетает и зависает следующая. Рыбу они в заливе не ловят, им, наверное, лень. Они предпочитают получить еду так, без труда. Халява популярна и среди чаек. Это накладывает отпечаток и на их голос. Известные всему миру на берегах всех морей крики чаек все больше начинают походить на воронье карканье — хищное, базарное и неприятно скрипучее. Но тебя это не смущает. Ты расслаблен и благодушен. Ты сейчас сентиментален и склонен к всепрощению. Тем более что в тебе сейчас две рюмки водки и кружка пива и твое сердце открыто для добра и любви. Особенно для любви. Но

не просто любви, а, как говорили в старину, большой и чистой любви. Ты — то ли к месту, то ли не к месту — вспоминаешь старый фильм «Мой младший брат» по повести Василия Аксенова. Почему именно это? А потому, что там все выглядит наивно, местами пафосно, все наполнено смешными, особенно сегодня, идеалами, и вдруг тебя пробивает не какая-то там ностальгия по тем годам, а от другого, от того, что и фильм, и та проза Аксенова состоит сплошь из хороших и чистых людей, более того, даже как-то неловко произносить сегодня — порядочных людей! Нет, вы посмотрите, как они относятся друг к другу, как они умеют любить и не любить подлых людей и всяких хищных чаек. И ты остро ощущаешь некое подобие тоски, ты скучаешь по таким людям и таким отношениям.

Да, думаешь, может, ты и старый и никак не можешь вписаться в текущее мимо тебя время. Но ведь ты и не хочешь туда вписываться, если честно. Тебе милее письма, а не СМС и, скажем, Джо Дассен вместо рэпа, хотя он и сейчас многим нравится. Кстати, и он отчего-то вспоминается, когда сижу сейчас в этом кафе-баре. Он давно умер, но все равно поет. С дисков, телевизоров и флешек. Наверное, потому, чтобы ты не потерялся в мире звуков и не растерял представление о том, что хорошо, а что не очень, что кратко, а что вечно. Французский речитатив у него — будто камешки перекатываются в ручье. И этот волшебный тембр!

Тембр человека, которому можно довериться. И вообще интересно — можно ли понять, почувствовать, хороший человек поет или плохой. Как странно... Его давно нет на земле, а голос — такой живой; вот он, рядом из радио, из плеера. Будто его душа свободно перемещается в пространстве и поет всем, кто одинок, кто нуждается в любви, но и тем, кто любим и счастлив, всем, кому так нужен его голос и его стирающийся из памяти образ. В какой-то момент тебя вдруг поражает величественное несоответствие живого голоса и давно ушедшего человека, скончавшегося как раз тогда, когда его полюбили все. И получается, что он не живет, но поет... Это как?.. И кто-то будет слушать его, любить свою женщину или даже танцевать под этот живой голос мертвого человека... Странно... И немного грустно. И что по этому поводу думают голодные чайки? Нет, тут еще без пары рюмок и пива не обойдешься. И твоя печаль, быть может, растворится в алкоголе...

Так и получается, и жизнь сразу становится еще прекраснее, еще лучезарнее.

По песку, у кромки берега вдоль моря идет дама в белой шляпе. Она всегда гуляет здесь в это время и в этой шляпе. Но ее можно увидеть на пляже и утром. Она приходит сюда раньше всех (за исключением меня, тоже любящего безлюдное время), раздевается у самой воды, идет по морю метров пятьдесят до места, где вода по пояс, а потом долго плавает параллельно

берегу, не снимая шляпы. Никогда! Выходит из моря и начинает променад. У нее великолепная фигура и походка породистой лошади, которая перебирает ногами с достоинством. Она примерно полчаса ходит вдоль берега — метров сто в одну сторону, затем обратно. Кокетливо и загадочно улыбается из-под шляпы. Мне, вероятно, потому что, кроме нас двоих, никого на пляже нет. Сколько ей лет, хотя бы примерно, — догадаться нельзя: мы друг от друга довольно далеко. Вот такое наше заочное знакомство длится уже много дней. Но сегодня ближе к вечеру нам суждено будет встретиться и познакомиться.

Вечером это кафе с манящим названием «Последняя капля» уже не так пустынно, пять-шесть столиков заняты. За одним из них в одиночестве сидит красивая женщина сорока пяти примерно лет. Ее красоту немного портит слишком волевое для женщины лицо с профилем Наполеона Бонапарта. Но прежде всего мое внимание привлекают ее руки с неподобно длинными пальцами. Трудно не обратить внимание на эти руки и эти пальцы, так как она курит сигарету, вставленную в соответствующий длинный мундштук. В ее лице — что-то японское и к тому же — что-то знакомое, заставляющее думать, что я ее где-то видел... Ну, японка — не японка, но, во всяком случае, наверное, азиатка. Губ у нее, можно сказать, нет. Вместо них — тонкая щель, которая слегка приоткрывается при очередной затяжке. Поэтому губы слегка дорисованы и таким образом — увеличены. Она, не отрываясь, смотрит на меня и улыбается, а я, смущенный таким упорством, глаза отвожу. Однако после пары таких финтов наши глаза все равно неотвратимо встречаются, и никак не реагировать на эту встречу, игнорировать ее — совершенно невозможно. Секунд десять мы молчим. И когда наше молчание становится уже совсем тяжелым и неуместным, я, будто оправдываясь, говорю:

— Вы смотрели, а я почувствовал.

Она смеется:

— Да вы меня просто не узнали.

Я удивлен.

— А мы разве знакомы?

— Заочно, — загадочно отвечает она.

— Как это? Когда? Где? — продолжаю удивляться я.

— Да здесь же, на пляже. Просто я сейчас без шляпы.

— А-а-а, — наконец прозреваю я. — Теперь можем, наконец, познакомиться.

— Запросто, — отвечает она и пересаживается к моему столику. Затем, расположившись на новом месте, протягивает ко мне через столик свои гипердлинные пальцы и представляется: — Натали. Для вас, если хотите, могу быть просто Наташей. — Она по-

молчала. — А потом и Наташкой... если все пойдет как надо.

Намек более чем прозрачен, и я продолжаю смущаться, все более походя в нашем общении на невинную девушку, трепещущую перед первой брачной ночью. Она видит это и продолжает неприкрыто веселиться.

— Эй, — возвращает она меня к протоколу, — а вы вроде забыли назваться.

— Извините. Да, действительно. Меня зовут... — Легкая заминка, в течение которой я подыскиваю себе другое, не мое имя, правда, не знаю — зачем. — Я Игорь.

— Врете, — получаю я резкий и прямой упрек, — врешь ты для чего-то, Алешенька... — И она берет из пачки новую сигарету. — Ты меня забыл... Что, сильно изменилась?

Я честно стараюсь вспомнить, но, черт возьми! Никак не получается. Ее это обижает, я вижу. Что-то знакомое, конечно... Но — не конкретно. Она приходит мне на помощь.

— Зачем Игорем назвался? Ты от кого тут шифруешься? Чего боишься? Или кого? Женат? Жена здесь?

Она выстреливает очередью свои вопросы, будто какой-то злой следователь. Я пока молчу. И тогда она напоминает.

— Двадцать лет назад, — говорит она, сильно затянувшись и выпустив дым почти мне в лицо, — выступал ты, Алешенька, в Политехническом музее. Лекция-концерт или творческая встреча, я уже и не помню. А помню, что меня сильно взволновала твоя творческая часть. А я была там кем-то вроде арт-директора. И стала приглашать тебя регулярно. И волновал ты меня, Лешик, все больше и больше. Ты выпить-то закажи, а то как-то скучно. Рассказ-то у меня будет интересный. А ты писатель, тебе, может, пригодится.

Я спрашиваю, что она предпочитает, а она отвечает — «водочку».

Приносят водку и, как она и хочет, селедку с картошкой. Эта Наташа будто демонстрирует передо мной свои простые вкусы. Она, мол, не гламурная какая-нибудь чувиха, не пошлая телка из ночного клуба, а серьезная русская баба, хоть и с монголоидными чертами лица. Она будто угадывает ход моих мыслей и поясняет, что сделала пластику, кожа кое-где натянулась и придала лицу восточный колорит. Раньше лицо было другим. Потому-то я ее и не узнал.

Она выпивает вместе со мной водки и пока не закусывает. В ход идет только очередная тонкая сигаретка в мундштуке.

— Так вот, — продолжает она. — Мы тогда с тобой познакомились. И близко. Первый раз это было прямо там, в Политехе. В артистической комнате. Я уже тогда

была большая девочка и ничего не стеснялась. Кое-что уже умела, а вот это у меня не получилось...

— Что «это»? — наивно переспрашиваю я.

— Леха, не строй из себя барышню на выданье (а я ведь именно так себя и чувствую). — Она сама наливает себе рюмку водки. — Я же вижу: ты уже начал вспоминать.

— Пожалуй, — говорю я и тоже наливаю. У нас выходит — будто самообслуживание.

— Помнишь, — говорит Наташа, — я сама хотела тебе это сделать. — Она показывает глазами и подбородком в сторону нижней части собеседника — Но опыта нормального по этой части не было и получилось для тебя больно и вообще — неказисто.

— Не помню, — говорю я, хотя, конечно же, припоминаю.

— Я потом решила потренироваться, — откровенничает Наташа, — на банане.

— И как? — Меня якобы интересует технология этого процесса.

— А так, — деловито объясняет она. — Очищаешь банан от кожуры и берешь в рот... — Она замолкает и смеется.

— Ну и что смешного?

— Да терпения не хватало никогда. Откусывала, а потом и съедала целиком все свое учебное пособие. Кошмар! Столько бананов извела, а толку никакого!

— Так и не научилась? — заинтересованно спрашиваю я.

— Нет, ты же знаешь... Дальше у нас с тобой было «все, как у людей». Традиционно. Хотя теперь тот мой первый опыт даже более традиционен в обществе, чем обычный секс, согласен?

Я молча пожимаю плечами, не желая дальше рассуждать на эту провокационную тему. Наташа не настаивает. У нее воспоминания обо мне гораздо ярче, чем тот дурацкий первый опыт. Она снова наливает себе и просит меня заказать еще.

— Может, поешь? — спрашиваю ее после заказа.

Она отрицательно мотает головой и продолжает будить мою несговорчивую память. Вновь сигарета, затяжка и короткое погружение в прошлое.

— Мы ведь с тобой когда познакомились и где? И ты знал обо мне только то, что я — бывшая балерина. Я после балетного училища недолго потанцевала в Большом, потом в ансамбле Моисеева, а потом все бросила и оказалась в Политехе. А учиться оральному сексу в балетном училище было некогда, — она усмехается, — да и не с кем. Ничего, потом мастерство стало расти, но уже не при тебе. А тебя моя балетная гибкость и растяжка восхищала и заводила... Это хоть помнишь?

— Да-а-а! Уж... — тяну я слово «да», показывая этим, что тут проболело в памяти у меня нет.

Действительно, обычная физическая близость с ее феноменальной растяжкой надолго приковала меня тогда к бывшей балерине. Я почти любил ее. Но она меня бросила. Ей со мной стало скучно. Я не страдал и довольно быстро забыл ее. И вот, через двадцать с чем-то лет, такая встреча.

Я уже не прикидываюсь и даже не делаю вид, что ничего не помню про наш краткосрочный роман. Спрашиваю:

— А как все-таки получилось, что из балета — сразу в администраторы? Падение — не падение — но все же...

— Да все просто, — отвечает. — Денег тогда вообще не было, а жить-то на что? Но я после тебя там недолго оставалась. Еще один лектор пришел в Политехнический музей. Известный телеведущий, шоумен, богач и красавец. Увидел меня и обомлел. Узнал. Был, оказывается, моим преданным поклонником, когда я танцевала. Ну и покатило. Цветы, коробки с конфетами... Наверное, хотел, чтобы я растолстела. Ну и дальше — как обычно... Тут уже в этой области, — она опять показывает глазами, в какой именно, — я не подкачала. А уж все остальное... Он так, бедняга, прилип, что не отлепишь... Ну потом все как обычно: знакомство с родителями, фата, кукла на машине, куча знаменитостей, фотографии и счастливая жизнь. — Она замолкает. — Восемнадцать лет. Безоблачных и клевых...

— А потом?

— Потом трагедия...

Наташа говорит, говорит, пьет, курит, а я всматриваюсь в ее лицо и начинаю соображать, где еще я мог ее видеть. И не двадцать лет назад, а вот совсем недавно. И наконец после того, как она сказала о трагедии, внезапная догадка пронзает мой мозг: «Господи! Да я же ее знаю! По-другому! Не так, как ту Наташу из Политехнического музея, а как светскую львицу из телевизора! Только никак не сопоставил ее с тем своим давним романом, а воспринимал совершенно отдельно, как вдову того телеведущего. Не мог соединить эти две различные персоны, потому и не узнал. А вовсе не из-за пластической операции».

Последние два года она все время в том или ином качестве фигурирует в телепрограммах. Вспомнил! Да об этом столько писали и шумели, что нельзя было не заметить. Ну да, как же! Там была какая-то жуткая авткатастрофа. И муж Наташи разбился вдребезги, он был за рулем. Погиб на месте. А она, сидевшая рядом, обошлась без единой царапины.

Муж, как ни странно, не успел накопить ничего, чтобы она и без него жила без нужды. Они жили легко и бесшабашно, азартно тратили деньги. Немногие сбере-

жения после его гибели быстро растаяли, так как она их транжирила, не думая о будущем.

Наташа все рассказывает, как она его любила, как потом плакала, как он к ней пришел на сороковой день во сне и велел жить на всю катушку, сбросить траур и не скорбеть. И она якобы подчинилась его приказу из загробного мира. А я помню, как все ее осуждали и презирали за то, что она так быстро забыла любимого. Я тоже пару раз поморщился, когда увидел в телике ее, светскую львицу, на какой-то очередной тусовке, с бокалом вина в руке, с отставленным мизинцем, хохочущую и с кем-то флиртующую. А потом еще раз, и еще... Всякий раз в новой экстравагантной шляпе, а если была без шляпы, то на голове у нее красовалась всякий раз новая — немислимая конструкция, которая брала все внимание на себя и уводила взгляды мужчин от ее милого, смеющегося, совсем незаплаканного лица. Ее прически были, собственно, не прическами, а архитектурой, точнее, опытами психованного архитектора.

«Какая пошлость! — думал я тогда. — Бедный муж, который так любил ее! Что бы он сказал, если бы увидел такое! И еще, зная многих вдов знаменитых и умных людей с таким же поведением, как и у нее, я думал, что им всем надо дать прозвище Веселая вдова».

— Смотри, какие ножки! — хвасталась она на экране какому-то такому же тусовщику непонятной ориентации. — Смотри! — И задирала юбку повыше, при этом гадко подмигивая в камеру.

«Спросить, что ли, — соображаю я за нашим столиком, — на фига ей все это было надо? Да она, наверное, и сама не знает. Так... имитация активной жизни. Не надо спрашивать, она сейчас не та. Не совсем другая, но все же — другая...»

А Наташа продолжает, словно отвечая моим мыслям.

— Ну с этим бардаком в голове я тоже покончила. Горевала недолго, а веселилась еще короче.

— За новый этап! — поднимаю я свою рюмку в сопровождении тоста.

— Ну да, за него! — почти вызывающе говорит Наташа и смотрит мне прямо в глаза. — Меня спас — только не смейся — кинематограф. А я уж года три как нигде не показывалась и жила почти затворницей. Потом вдруг звонок. Ни с того ни с сего. Пригласили в телесериал. Без проб. Где они меня видели, непонятно... Хотя, может, тогда, когда я по клубам шлялась... Ну, неважно... Стали звать и в другие сериалы на роли интеллигентных матерей и одиноких соседок. И на фестивали приглашают. Езжу, когда могу и хочется. Но не часто. В жюри даже один раз сидела, — продолжает хвастаться она, — документальных фильмов...

— Да я в курсе, — прерываю я Наташин монолог, — я тебя вроде видел в каком-то фильме, и мне понравилось. — А сам думаю: «Не дай бог спросит, в каком». А я ведь не видел ничего с ее участием. Соврал. Наверное, чтобы ей было приятно. А это зачем? Да черт его знает!

Но она не спрашивает, а наоборот, будто защищается от чего-то:

— Знаешь, почему всюду езжу, куда приглашают? Тебе скажу. Боюсь, что откажусь, а в другой раз не позвонят...

Наташа выпивает, молчит, и вдруг лицо ее становится старым и несчастным, и я начинаю подозревать, что держится она в жизни из последних сил.

— А в принципе, — спрашиваю я уже вполне по-свойски, неформально, — на что ты живешь, на заработок от сериалов? — Она молчит. — И хватает? Честно?

Она по-прежнему молчит, смотрит в окно, на море, там красивый закат. И все же через минуту отвечает, выпрямившись в кресле и расправив плечи. Гордо так отвечает:

— В профессию вернулась. Прежние связи помогли. У меня теперь своя школа танцев для детей. На Рублевке. Так что зарабатываю достаточно. Хватает даже на путешествия.

— Одна путешествуешь? — некорректно спрашиваю я.

— Приезжаю одна, уезжаю как придется... Вон там, видишь, в углу — красавец в светло-голубом пиджаке. — Она улыбнулась в ту сторону, и мужчина радостно замахал рукой в ответ. — Третий день клеится, но я

пока держусь. А вчера решился на штурм. На любовную атаку. Вот прямо так взял и сказал: «Выходи за меня замуж».

— Ну?... А ты?

— А я сказала, что подумую...

— Да что тут думать! — с неожиданной для себя досадой энергично советую я. — Надо бежать за него! — И хамски добавляю: — А то вдруг одумается!..

Она с укоризной смотрит на меня, и я, вместо извинения за бестактность, говорю:

— Одинокое мужество жить, не опускаться, стареть красиво, оставаться женщиной при любых ушибах судьбы, да?

Она кивает и улыбается. И я продолжаю:

— Все это очень хорошо, но очень утомляет, правда?

— А ты что, хочешь предложить мне руку и сердце? — смеется Наташа. — Жена-то далеко? Или в отеле лежит у телевизора? Смотрит сериал ее любимый... А в этом сериале — я, прикинь! Вот сюжет был бы крутой для тебя, да?

— Нет, — говорю, — к сожалению, не так. Она в Москве. А я тут с тобой сижу и ей, причем, не изменяю.

— А жаль, — кокетничает она, достает зеркальце из своей элегантной сумочки и еще какую-то мелочь, помогающую, по мнению всех женщин, сохранить на пару часов их нетленную красоту, и начинает делать что-то невидимое и непонятное для меня с губами и бровями. Непонятное потому, что я не замечаю никаких изменений, о них знает только она и другие женщины в тех же обстоятельствах.

Играет ритмичная музыка. Наташа убирает свои косметические игрушки в клатч на длинном ремешке, перекидывает его через плечо, встает и говорит мне:

— Пока, Леша! Рада была повидаться. Даст бог, еще встретимся... В этой жизни!

— Как же, — вяло пытаюсь я придать нашему прощанию больше оптимизма, — буквально завтра утром, на пляже...

— Не-ет, — усмехается она, — ты не понимаешь. Мы завтра с тобой увидимся. Но... не встретимся. Теперь понял? Увидимся, но — не встретимся! И... всего тебе хорошего! Я правда этого хочу для тебя.

Наташа резко наклоняется и целует меня в губы. Уходит, не оглядываясь. Я вытираю салфеткой губы, испачканные губной помадой, и смотрю, как Наташа выходит в центр площадки и начинает танцевать. Одна! Это мастер-класс! Она танцует так, что все окружаю-

щие пары застывают, а потом встают в круг и смотрят только на нее. Она оборачивается и кричит мне через весь зал:

— Смотри, Лешка! Я решила потряхнуть стариной! В буквальном смысле этого слова!

Музыка смолкает, и танец заканчивается.

Импозантный мужчина в голубом пиджаке, Наташин кавалер, подходит к ней, пока ей аплодируют окружающие, и о чем-то спрашивает, указывая на меня. Ревнует, наверное... Я с удовлетворением замечаю на нем черные кожаные джинсы и лакированные туфли. Она смеется и отвечает ему что-то такое, отчего он еще больше возбуждается и смотрит в мою сторону с суровой угрозой. Наташа разворачивает ревнивец в голубом в сторону выхода, он по-хозяйски обнимает ее за плечи, и они покидают танцпол...

* * *

Наутро я сижу там же в кафе, а напротив, прямо у воды, сидит Наташа на большом махровом полотенце. В руках у нее зеркальце, кисточка, и она, как вчера, делает с лицом что-то для меня неясное, но, по видимому, полезное. Затем появляется помада и участвует в совершенствовании губ. Раньше, в предыдущие дни, этого не было... Что-то, наверное, изменилось внутри бывшей балерины. Ухажер в голубом и кожаном помог или наша встреча — можно только догадываться. Но стоит ли... Ясно лишь, что она снова одна... Наташа встает, укладывает все в пляжную сумку, поворачивается в мою сторону, рисует в воздухе сердечко и посылает мне воздушный поцелуй. Потом оставляет сумку с вещами на берегу, надевает свою знаменитую шляпу и, почему-то в этот раз не плавая, уходит вдоль моря, все дальше и дальше, не оглянувшись ни разу. Прежде она гарцевала по пляжу своей неповторимой походкой примерно сто метров в одну сторону, а потом назад. И в другую сторону, и опять назад. Но сегодня — не так. Уходит далеко и не возвращается... А я думаю: «Да, все так, все правильно... Живи, Наташка, не оглядываясь и никогда не сдавайся».

Она уже далеко. Ее фигурка, увенчанная большой белой шляпой, будто растворяется между морем, берегом и небом.

— Какая красивая... осень, — думаю я, не замечая, что говорю это вслух и вслед ей, а потом делаю глубокий вдох, чтобы сердце билось не так часто...

